

А Л Е К С Л О Р Е Н Ц

СОНЯ

*первый роман трилогии
«Хоррор русского захолустья»*

Алекс Лоренц

**Соня. Первый роман трилогии
«Хоррор русского захолустья»**

«Издательские решения»

Лоренц А.

Соня. Первый роман трилогии «Хоррор русского захолустья» /
А. Лоренц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510379-6

В России ежегодно пропадает без вести около 70 тысяч человек. Одна маленькая единичка в этой страшной статистике — старшеклассница Соня Коноплина. Девушка бесследно исчезает после ссоры с бойфрендом. Родители, полиция, волонтеры сбиваются с ног, но поиски не дают результата. А на ближайших друзей Сони тем временем обрушивается суший кошмар. Будучи против воли втянуты в водоворот кошмарных событий, подростки становятся персонажами киносценария с извращенным сюжетом, написанного кровью. Их кровью.

ISBN 978-5-00-510379-6

© Лоренц А.
© Издательские решения

Соня

Первый роман трилогии «Хоррор русского захолустья»

Алекс Лоренц

© Алекс Лоренц, 2020

ISBN 978-5-0051-0379-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОНЯ

1

Хэ-зэ, с чего эта вся бодяга заварилась. Уж точно не с того, что Соня исчезла. В смысле исчезла она уже после того, как все закрутилось...

Сумбур, сумбур, сумбур...

Кароч. Начну с самого что ни на есть начала.

Меня зовут Андрей. Я учусь в 11 классе. Вроде не троечник, но и не отличник. Из увлечений – люблю позависать с друзьями, посидеть в пабликах, погонять на бээмиксе. Раньше любил читать всякие подростковые книжки типа «Над пропастью во ржи» и «Бумажных городов». Даже хотел стать писателем одно время, но оставил эту мысль. А потом меня сожрали соцсети и моя девушка. Классе в девятом. Больше соцсети, но и девушка тоже.

Звали ее Соня.

И вообще, все со временем стало крайне сложно...

Так вот.

Кароч, приключилось это в первую неделю сентября. Или во вторую, хэ-зэ. 11 класс. Пригрел я, значит, в школу. Сел на свое место. Все, блин, такое унылое, тупое. Обстановка в тоску вгоняет. Говорить ни с кем не хочу. Они тут все как зомби. Аж смотреть стремно. Вообще, одноклассники у меня в основном хорошие. Но иногда, скажу по чесноку, тошнит от них. Особенно по утрам. А тут еще после вчерашнего настроение в ноль. Даже в минус.

Сел я, значит, за последнюю парту, как всегда. Кинул рюкзак на пол – пусть валяется. Все равно я учебник по физике не взял. Опять училка гнобить будет...

Да пох, в принципе. Аттестат у меня все равно ни фига не красный получается. С другой стороны, тройку в полугодии она мне не поставит. Их за порчу показателей администрация дрючит будь здоров. Никому ж не хочется, чтоб директриса тебя по ковру растерла, да?

К тому же я все равно верняк физику на ЕГЭ сдавать не буду. Хотя... фиг знает, что я вообще буду сдавать. Не решил еще. Родаки говорят, ин-яз, а я не хочу. Нах он мне? Переводчиком в нашем Брянске не устроишься, а учителем хрен я пойду работать – не мое это совсем.

Кароч, хэ-зэ, че делать.

Кароч, не в этом дело.

Кароч...

Соня не пришла. Сидел я, сидел. Она обычно рано заявляется, раньше меня. А тут нету ее и нету. Уже почти все пришли. Стало шумно. Кто-то со мной пытался заговорить, я вяло реагировал – настроение смурное. Копался в планшете для виду, наушники в уши всунул, типа занят до фига. А Сони нет. Уже дело к звонку идет, а ее нет.

Заболела? Ну, бывает. Хотя... че-то у меня кошки скребут. Знаете, как говорят, предчувствие дурное.

Епт...

Так вот, звенит звонок уже, а Сони все нет.

Не знаю, с чего у меня это странное предчувствие. Может, оттого, что мы вчера поссорились? Ваще некрасиво получилось. У нас, в общем-то, уже давно не клеилось. Последнее время че-то всегда не так, не то. Ты не так делаешь, ты не то говоришь, ты меня не понимаешь. Мрак.

Ну, понятно, я не соответствую ее идеалу. Но нервы-то нахрена трепать? Я ж тоже не железный – бесконечно терпеть...

А вышло все вчера, как обычно, из-за мелочи. По фигне. Выходим, значит, из кино. Смотрели какую-то дурь, типа комедия, а на самом деле не смешно ни фига. Тупо. Я даже не запомнил, как называется, хэ-зэ. Вышли, значит, из зала. Идем по этой... этому... как его... ну вы поняли, где кассы с билетами. Треплемся о том о сем, про фильм этот тупорылый уже забыли напрочь. Соня на меня смотрит, а не вперед. Какой-то тип прет прямо на нас, с кем-то триндит. А в руке у него бадья здоровенная с попкорном. Практически корыто.

Я это, значит, вижу, но сказать ничего не успеваю – на секундные доли счет идет. Соня в этого членофрукта врезается, он свое корыто роняет, хрючево по полу во все стороны.

Он поначалу стоит такой... опешивший, что ли. И мы – тоже опешившие. У Сони глаза и так большие, а тут с тарелку размером стали. Потом она че-то пытается сказать, и этот типиче тоже. Стоят, лупают друг на друга глазами. Клювами щелкают. Потом чувак вроде как осознал, что произошло, брови грозно сдвинул. И говорит такой: с тебя триста рублей. Это он Соне.

Та на меня смотрит – на лице немой вопрос. Я начинаю в башке прокручивать, что бы это значило. Это она, наверное, ждет, что я мужику по роже съезжу. Ну, или выплачу компенсацию за попкорн. А денег у меня между тем осталось с гульки хрен – пятьдесят рублей всего-навсего. Я же ее в кино сводил, млять. Плюс колы ей купил с мороженым. И тоже попкорна. И себе хрючева чутка. И что, она думает, у меня баблосы остались?!

Ну, и я на нее тоже гляжу. С разинутым ртом, челюсть до пола. И что сказать – не знаю, хоть убей. Смотрю, у нее глаза прям гневом наливаются. Желчью. Вангую истерику. У Сони это в последнее время часто. Я ее, наверное, чем-то раздражаю.

– Ну, и че стоите? – спрашивает тип. – Бабки отдавайте!

Соня брови на меня поднимает. Как будто я тут крайний.

– Андре-е-е-ей? – говорит.

А я что? У меня денег нету.

– У меня деньги закончились, – говорю. Виновато как-то вышло, ну да ладно. Как получилось, так получилось.

Она рожицу хмурую скукожила, полезла в карман куртки, вытащила мятую пятисотку. Посмотрела на нее так жалобно.

– У меня мельче нет, – говорит этому хрену.

– Значит, давай, сколько есть, – отвечает он. – Бегать, разменивать времени нету.

Хватает эта дылда двадцатилетняя пятисотку у Сони прямо из рук и чешет дальше со своей девахой. Типа как будто ничего и не произошло.

Стою я тупо, смотрю ему вслед и думаю: кинуться, что ли, с кулаками? Так он же меня одной левой уложит. А потом сверху сядет и раздавит. Буду как лох выглядеть...

Хотя я и так уже как лох.

Соня меня за рукав дергает. Я к ней поворачиваюсь.

– Чего стоишь? – грит. – Он у меня деньги отнял!

Я такой, опомнившись:

– Э, малый! – И вслед за ним. Неуверенным таким шагом.

А он уже далеко – завернул за угол, чтоб в зал зайти. И я тоже, значит, подхожу к входу в зал. А они со своей лярвой уже билеты показали тетке. Она их запустила. Я за ними следом, а она меня своей ручищей огромной стопарит.

– Куда собрался? – типа.

– Я на секунду, – говорю, – надо с этим кексом перетереть.

Она:

– Только с билетом.

– Ну, мне на секундочку! – жалобно. – Туда-обратно.

– Ладно, иди, – соглашается.

Збс. Я, значит, в зал. Там темно. Трейлеры на экране крутить начали. Гребаная куча народу сидит, битком все забито. И эти двое на свои места, видать, жопы опустили. Только я их не вижу ни фиги – темно в зале. Как искать? Я ж не пойду по каждому ряду, по коленям чужим топтаться. А тут еще билетерша в спину дышит, только и ждет, чтоб меня за шиворот выволочь.

И тут я решил, типа, радикально поступить. Как смелый и независимый мужчина. Взял, развернулся и вышел оттуда.

Билетерша мне в спину:

– Ну что, где твой друг?

– В манде твоей, – отвечаю.

Не, ну, если честно... я хотел так ответить, но не стал.

А за углом меня Соня ждет. Глаза сощурены, губки сжаты. Личико загорелое ажно еще больше потемнело от злости.

– Где пятисотка? – спрашивает.

– В манде твоей, – отвечаю.

Не, на самом деле, я так хотел со злости сказать, но снова не решился. Тем более Соне.

– Нету денег, – говорю. Неуклюжая фраза.

– Как это нету? – Смотрит на меня так, будто это я опрокинул попкорн того чела, а потом сам же у нее лавэ отнял.

– Да вот так, блин! – Меня уже самого от злости колбасит. И от бессилия. И не пойму толком, на себя самого я злюсь, на нее, на того козла или на всех вместе. И объяснить не могу ни фиги, слов не хватает.

– Хочешь, подождем, пока он фильм досмотрит? А потом я его поймаю и отмудохаю. – Я просто знаю, что она не согласится, потому и предлагаю.

Соня вздыхает. Поправляет черную гладкую челку. Смотрит в сторону. И я замечаю, что у нее, блин, глаз дергается. Правый. Или левый. Неважно. Дергается, кароч.

– Не, ну правда, – говорю. – Давай подождем здесь. Там просто темно, не видно ни фиги.

– Ой, да иди ты в жопу! – возмущается она и идет к выходу.

Я за ней. Хватаю за локоть, пытаюсь остановить. Она вырывается. Волосы по всему лицу.

– ОТВАЛИ! – рычит сквозь зубы.

Чувствую себя, блин, виноватым. И вообще ничтожеством.

На нас все оборачиваются, замолкают, лица насупливают. Хотелось бы им сказать: да пошли вы все нах! Но предки меня слишком хорошо воспитали.

Она быстрым шагом, решительно так, двигается к выходу. А я за ней бегу как debil. На ходу куртку одеваю... или надеваю – как правильно? Кароч, не суть.

Догоняю ее на эскалаторе. Спускаемся на первый этаж ТРЦ. Я к ней обращаюсь по имени. Ноль реакции. Вот сучка!

– Да это ж не я виноват, что ты попкорн опрокинула! – У меня внутри все шипит и взрывается. Как этот самый попкорн в микроволновке.

Она отворачивается.

– Сонь, ну хватит.

Реакции – ноль. Как будто меня тут нет.

Подношу руку к ее лицу, пытаюсь отвести волосы в сторону. Она меня бьет по руке. Толкает в плечо. Я чуть не падаю. Задел какого-то чела, который сзади стоял. Он завозмущался, я проигнорил.

Доезжаем до низа. Соня все тем же быстрым шагом топает к выходу из ТРЦ. Выходим через вращающиеся двери. Погодняк снаружи вполне себе летний. Непривычно теплый сентябрь. Как назло. Весь август был как кусок говна – дождь, слякоть, месиво. Последнее школьное лето получилось самое кислое в жизни. Я никуда не ездил, в Брянске сидел, дома. Соня на месяц уезжала, потом вернулась. И мы поняли, что начинаем друг другу надоедать. Бывает такое. Вроде все норм, а че-то приуныли оба. Скучно, как в Освенциме. То я к ней приду, пока родаков дома нет, то она ко мне. Потрахаемся, чаю попьем – и расходимся. Один раз компанией собрались с одноклассниками и ребятами из параллели. А так мрак мраком. Че-то не то, а че именно – хэ-зэ.

А еще у нее нервные припадки начались на пустом месте. «Типичные бабские штучки», – каждый раз думал я. Хотя частично типа понимал, в чем дело. Весной ее любимого пса Чака растерзали бродячие собаки на пустыре, когда она его выгуливала. Он у нее больше десяти лет жил. Еще щенком взяли. Член семьи практически. У нее от этого нервишки здорово пошатнулись...

И тогда, в тот вечер с попкорном, все закончилось. Когда мы не запомнили даже толком, какой фильм смотрели.

Мы молча дошли до остановки. Пока ждали маршрутку, я попытался ее обнять, но буй там плавал. Она опять меня отпихнула, как нечто назойливое и на хрен не нужное. Спросила только, заплачу ли я хотя бы за проезд. С издевкой, само собой. Я молча передал водиле свой последний полтос.

Доехали мы, кароч, до нашей остановки. Я ее до подъезда проводил. Она только буркнула слово «пока». Даже не посмотрела на меня.

Это был последний раз, когда я ее видел.

2

В общем, пришла физичка на урок. После звонка, значит. Минут через десять. Как обычно. Она нас ненавидит. Наверное, еще больше, чем мы ее. Оно и неудивительно. Сколько мы ее доставали – так нас любой бы возненавидел. Впрочем, от учителя тоже зависит. Вот на биологичку у нас никто пасть не раскроет. Раз пикнешь – покойник. Еще раз пикнешь – ваще в аду гореть будешь. Заживо...

Года три назад физичка ниче такая была, аппетитная. Сразу после универа пришла преподавать. Характер, конечно, стервозный – пилец. Но формы реально залипательные были. А потом в декрет ушла, залетела от хахаля своего. А он ее после рождения ребенка взял и бросил. Сразу практически. Через два года она, значит, из декрета досрочно вернулась. Новое впечатление от нее было не оч, мягко скажем. Обрюзгла, пострашнела, волосы сальные, прыщи на лбу. Бока свисают. Жуткая, как моя жизнь. И еще стервозней, чем была. Ну, тут-то ее и стали все игнорить не по-детски. Она че-нить говорит – на нее внимания ноль. Прямым текстом, конечно, никто не посылал (школа у нас приличная считается), но всем своим поведением демонстрировали, что эта женщина – типа пустое место. Некрасиво, конечно... но, блин, сама виновата.

К концу урока у училки стало пригорать. Как обычно. Она на нас орет, а хрен ли толку, как грится. Внимания – ноль. У нас класс уже с первых дней во все тяжкие пустился. Во-первых, дембеля – скоро выпускаться. Во-вторых, мы все слегонца в депресняках были. Наш

классный руководитель... умер, не умер – черт разберет. Исчез, короче. И никто нам ничего не говорил толком, что случилось... Но об этом позже, по порядку.

Мне, кароч, не до этой женщины совсем было. Где Соня? – вот что меня волновало. Написал ей в ВК.

Андрей

Сонь ты где

София была в сети вчера в 22.30.

Ни ответа ни привета.

Написал эсэмэску. Пять минут жду, десять. Ноль реакции. А раньше всегда мигом откликлась. Неужели настолько сильно обиделась?

Я на измене. Че делать? Почему она не отвечает? Когда мы ссоримся, она все равно всегда пишет. Даже еще больше. Какую-нибудь гадость обычно. Послание на три страницы. «Войну и мир». На тему, какой я плохой и урод биологический.

А тут ничего. Совсем.

Я на измене, пацаны.

3

Как закончился урок физики, я не заметил толком. На перемене вышел за забор покурить, высмолил две сиги. Снаружи тепло, птички поют, солнышко светит. А мне хреново донельзя. Внутри как будто костер горит.

Где Соня? Что с ней? Заболела? Может, ее машина сбила?

Вроде у нас и отношения уже к концу подходят. Вроде я ей надоел. А она мне? Не знаю. Кажется, я ее все-таки люблю.

Она не в курсе, что я ей изменял. С ее лучшей подругой. Надеюсь, и не узнает никогда. Хотя... какая теперь разница. Может, она мне тоже изменяла. Крутила романы на стороне. Ей ведь всегда все не нравилось. Как и мне, сопсно.

Стал я, короче, ей названивать. А хрен там был. Абонент не абонемент. Специально телефон вырубил? Или что-то правда случилось?..

4

Еще один урок прошел. Обществознание. Она недоступна...

5

В начале урока русского появилась наша новая классуха – физручка Ирина Викторовна. В спортивном костюме, рожа кирпичом – все как положено. Почему-то с тремя полицейскими. В штатском, но я сразу просек, что полицейские. Что-то стала говорить на ухо учительнице русского. Я толком не расслышал. Только слово «пропала». Поначалу значения не придал.

А потом думаю: вдруг они про Соню?!

И смотрю на ее пустой стул. Все остальные в классе присутствуют, одной Сони нет. И русичка вместе с физручкой тоже на этот стул пялятся.

– Дети, – спрашивает классуха, – а вот эта девочка... – Имя пытается вспомнить. – ...она сегодня была? – И на стул ее указывает.

– Девочку Соня зовут, – тявкаю с места. Эта тетка нас никак по именам не запомнит.

– Ну да, Соня, – вспоминает.

Одноклассники мотают бошками: мол, не видели сегодня Соню. Я помалкиваю. Полицейские на мне взгляд задержали. Не то чтобы с подозрением, но как-то, млять, недобро.

6

В моей голове рисуется стремная, гадостная донельзя картина.

Соня лежит в канализационном коллекторе – изуродованная, в порванной одежде. Позеленевшая. С остекленелым взглядом. Ногти содраны, пальцы в крови, грязи и водорослях. Юбка задрана, трусики порваны.

Ее насиловали. Несколько мужчин. Много раз подряд. Несколько пьяных уродов. Поймали в подъезде, затащили за гаражи, попользовались – и скинули в люк.

Ноги переломаны, руки. Ребра торчат наружу.

Она слегка припухшая.

И чертов остекленелый взгляд...

7

Они на меня смотрят. Как будто что-то хотят сказать. Как будто это я ее убил.

Кстати, почему сразу «убил»?..

Я вздрогнул: мой телефон на столе завибрировал. Я покосился на экран. Номер скрыт.

...Кто вообще сказал, что она мертвая? Может, просто свалила из дома на денек? Решила развеяться, все дела. Мало ли, какая хрень этим бабам в голову взбредет.

Чего смотрите-то, отцы?

8

– А вот этот... как его... Андрей. Шапарев. Это ее парень. – Физручка, сучара, сдала. Чувствую себя преступником. Как будто я ее уколошил и съел. Соню, в смысле, не физручку...

Нет, никогда ты, Ирина Викторовна, не станешь нашим настоящим классным руководителем. Вот Кирилл Александрович – это да-а-а-а-а-а, охренительный был чел.

Господи... С пятого класса он нас учил. Любили его, как отца родного. Кирилл Александрович Мельников. Где он теперь? Ни одна сволочь не говорит. Прошел слушок, будто в психушку упекли, а там он якобы помер.

Не, я понимаю, конечно, чутка странноватый тип был. То ноги на стол показно положит, то черный юмор из него фонтанирует. Но это было прикольно. За это обычно в психушку не забирают, мне кажется. И мы его уважали, этого не отнять. Только в класс зайдет – тишина мертвецкая. Хотя никто не боялся. Не у каждого учителя так получается.

А эта баба, Ирина Викторовна, меня рил бесит, сука. Какая-то на серьезных щах не в меру.

– Кто, вот этот?

– Нет, вон тот, за задней партой, с наушниками.

– Пройдем-ка с нами, молодой человек, – говорит один полицейский. С усмешечкой такой злобенькой.

Не к добру это, ребята, не к добру.

Я сию.

– Встань, когда с тобой взрослые разговаривают! – говорит классуха грозно.

Встаю.

– Ты почему так одет?

Потому что, млядь.

– Почему в школе в джинсах?

Чтоб ты спросила, млядь.

– Ладно, это вы потом решите, – полицейский. – Пройдем-ка с нами, дружочек.

Дружочек, млядь...

Делаю шаг, он мне:

– С вещами.

А вот это уже рил как угроза звучит.

Собираю по-быстрому пожитки, беру рюкзак. Выхожу из класса. Одноклассники помалкивают в тряпочку. И чувствую, как следят за мной глазами. Все уже, сука, видят во мне виновного в чем-то. Точнее, не в чем-то, а в убийстве.

Мои шаги – как адский молот. И все бошки в мою сторону медленно так поворачиваются. Две училки, менты, одноклассники – все. Пилец.

9

Знаете такую хрень – типа, когда тебя в чем-то подозревают, начинаешь вроде как и сам себя подозревать? Вот это оно самое и было.

Выхожу из класса, снаружи никого – пустой коридор. Теряюсь во времени и пространстве. И позади все молчат. Как в вакууме.

Я стопарюсь. Знать не знаю, что дальше делать, куда идти. Меня мент в спину легонько подталкивает, говорит:

– В учительскую.

Ноги как будто деревянные.

– Иди, иди, – подгоняет.

Иду по пустому коридору, а позади шаги всех вот этих вот. Ломаная коричневая линия отделки скачет по стене вверх-вниз. Поджилки трясутся. Такое ощущение, будто по моей походке этим людям все понятно. И классухе, и полициям. Они чувствуют мой щенячий страх.

Попадос, ребята.

А вдруг меня сейчас обвинят? Вот только в чем? Кто б знал...

А Соня между тем лежит в канализационном коллекторе. Изнасилованная и убитая. Кругом грязь, вонь, нечистоты. Насекомые, черви всякие. Крысы бегают, отрывают от нее по кусочку. Ее волосы всегда были прямыми и чисто вымытыми, а теперь скомканы. На них налипли куски какого-то гнилья...

Захожу в учительскую. Они – следом. Как будто особо опасного заключенного препровождают в камеру.

За задним столом сидит наша биологичка, проверяет какую-то писанину. Ее просят выйти. Она глядит недоуменно поверх очков. Типа, вы кто такие и какого ляма тут командуете? Потом смекает: лучше делать, как говорят вот эти грозные дяденьки в штатском. Начинает рассеянно шарить костлявыми руками по столу. И одновременно на меня поглядывает, опять поверх очков. И взглядом как будто спрашивает: ты чего такого натворил-то, Шапарев?

Она такая, вся на нерве, пытается разобраться, что взять с собой, а что нет. Закидывает какие-то вещички в сумку. А я смотрю на нее, на чем-то ж надо задержать взгляд. И физручка тоже на нее смотрит. И полицаи, все трое. Неподвижно. Картина маслом.

И так с минуту. А кажется, будто лет сто.

Наконец, биологичка выходит из учительской.

– Инна Валерьевна... – начинает было опер (или кто он там по званию, я не разбираюсь). Но физручка его прерывает:

– Викторовна.

– Пардон. Инна Викторовна...

– Ирина.

Упс.

Лицо у опера такое, как словно кашку скушал. Наверное, думает: вот же наглая физручка.

– Ирина Викторовна, стойте снаружи и никого сюда не впускайте, – приказным тоном.

Эта стоит с разинутым ртом, всем своим видом как бы говоря: я тебе что, подчиненная?

Я кошусь на настенные часы. У них целых сорок минут до конца урока, чтобы меня пытать, загонять иголки под ногти, заливать в горло горячий свинец. Да и просто избивать, как боксерскую грушу.

– Ну, чего стоим?

– Ничего, – буркнула она и скользнула за дверь.

Эти трое на меня глядят как на дурака.

– А ты чего встал? – говорит один. – Садись давай. В ногах правды нет. Хе-хе!

– Сесть всегда успеет, – мрачноватенько хохмит другой.

Рюкзак соскальзывает с моего плеча. Я отодвигаю стул за первым столом ряда. Собираюсь сесть.

– Не сюда. Вон туда садись.

Прохожу, куда сказали, – за второй стол. Они около меня обсаживаются полукругом, три мордovorота. До каждого расстояние вытянутой руки. Один сидит, как в фильмах, – спинка стула спереди, а он на нее локти пристроил. Паяльника дымящегося рядом не хватает. Глядят пристально, прямо в глаза заглядывают. Как будто признания ждут. Знал бы, в чем надо признаваться, – глядишь и признался бы – до того страшные дядьки с виду. Особенно когда никого вокруг нету больше.

– Ну, и что ты нам скажешь? – спрашивает ихний типа главный. Короткие волосы ходят ходуном на здоровенной голове.

– Смотря что спросите, – говорю. Дельного из себя строю, а голосочек-то дрожит.

– Как докатился до жизни такой? – бросает другой, с бычьей шеей.

– До какой? – переспрашиваю.

– Где твоя подружка?

– Какая подружка? – И тут же понимаю: глупость сморозил. Лишние подозрения только вызвал.

– Коноплина.

– Соня, что ли?

– Да. София Коноплина.

– Откуда ж я знаю. Самому интересно. С утра в школе нету.

– Самому интересно, говоришь? – подключается третий. Молодой, с дурацкой улыбочкой. С серыми разрушающимися зубами. – Ты ее когда в последний раз видел?

Задумываюсь. Ступор дурацкий напал. Молчу. Облизываю пересохшие губы.

– Что, не помнишь? – белобрысо ухмыляется Бычья Шея.

– Помню. Вчера вечером.

– Ага! – восклицает Большая Голова. Как будто я ему зацепку дал. И тычет в меня сосискообразным пальцем. – И где вы были?

– В кино.

– Что за фильм? – уточняет Серая Улыбка.

Я призадумался и ужаснулся: ни хрена не помню, что за фильм, хоть убей!

– Не помню, – честно ответил я.

– Да ла-а-а-а-а-адно тебе! – напирает Серая Улыбка. – Только вчера в кино ходили, а как фильм называется, не помнишь?

– Seriously, – говорю. – Глупый фильм какой-то, комедия. Я не запоминал.
– Российская комедия? – Зачем спрашивать такое, не пойму толком.
– Нет, американская.
– А потом она куда пошла? – спрашивает Большая Голова.
– Кто – она? – туплю.
– Комедия! – выкрикивает Бычья Шея и ржет так, что аж щеки трясутся. На носу ажно сосуды проступили фиолетовые. Поржал, поржал, потом разом помрачнел: – Соня твоя – вот кто.

– Я ее домой проводил.
– До квартиры?
– Не, до подъезда.
– И что, видел, как она в подъезд зашла?
– Ну... да.
– А вот и неувязочка! – поддавливает меня Большая Голова. – Не заходила она в подъезд, потому как домой вчера не вернулась!

Типа: попался, щенок.

– Заходила, – говорю. – Честно. Проводил до нижней двери.
– Вы ссорились? – спрашивает Серая Улыбка, прищурившись хитренько.
Я собираю волю в кулак и вру:
– Нет. – И головой мотаю для убедительности.
– Точно не ссорились?
– Точно-точно, – опять вру.

И дальше пошло все по кругу: одни и те же вопросы в разных вариациях. И так еще минут тридцать пять. Я под конец стал как сомнамбула: на автомате что-то отвечаю, сам ни хрена не соображаю. Слышал физручку за дверью. Вроде близко, а как будто из потустороннего мира. Или из-под воды. Она прогоняла от двери возмущенных училок.

Хорошо, что долбаный звонок с урока все-таки прозвенел. Я уж думал, не дожусь его живым.

Звонок продребезжал – в коридоре пошла движуха. К учительской стали потоками стекаться педагоги. Возмущаются, трывают. Физручка еле сдерживает натиск. Полицейские замялись. Понимают: закругляться пора. А я весь такой уже ватный, мне рил хреново.

– Ну что, отпускаем фраера? – спрашивает у своих Большая Голова.

Сам ты, падла, фраер.

– Да, пора уже, – отвечает Бычья Шея.

Серая Улыбка тупо кивает.

– Иди, – говорит мне Большая Голова. – Мы с тобой еще потом побеседуем.

Я встаю со стула и понимаю: идти почти не могу. Все нервы вытрепали, козлы.

Вываливаюсь, значит, из учительской, продираюсь сквозь толпу озверелых училок. Они мне взглядами своими мозг прям выедают.

Хочу курить. Дико. Две подряд. Или три.

10

Выхожу через центральный вход вместе с потоком галдящей мелкой школоты. Их ведут на стадион, на физру. Обхожу здание, захожу за спортзал. Тут нелегальная курилка. Вся школа здесь смолит. Уютная площадочка, стены с трех сторон. Можно snyкаться и дымить спокойно... Нет, не всегда спокойно, канешн. У директрисы и ее администрации иногда доходят руки и досюда. Бывает, куча народу в этот закуток набьется и стоит, дымит. И вдруг откуда ни возьмись директор со своими рабочими муравьями. И не углядишь ведь, как приближаются:

угол обзор закрывает. И начинается: называйте свои фамилии, завтра родителей в школу, да мы вас исключим, бла-бла-бла. И примерно раз в месяц по одному и тому же сценарию. Ниче не меняется.

Прихожу я, значит, в курилку, а там стоят *эти*.

Вернее, кто стоит, а кто и сидит на кортах.

Сопсно, какая история. Есть у нас в школе Макс Ломоглазов по кличке Тормоз. Качок. Тот еще скот. Мне никогда не нравился. С первого класса. Задирал меня даже пару раз. А последние два года меня вообще ненавидит. Потому что я с Соней, а он нет.

Я пару раз видел, как она с ним в коридоре переговаривалась. Тормоз ее даже разок за руку ухватил, падла такая. Она видела, как я приближаюсь, тут же ему ручкой махала и уходила. И это ведь я только два раза замечал. А на самом деле таких разов могло быть и больше. И они так друг на друга смотрели, будто... не знаю... будто между ними что-то есть. И Соня потом как-то холодно со мной общалась некоторое время. Типа: отвали, не мешай. И этот хрен на меня волком все время глядел. Вот я и думал: что-то тут нечисто. Клинья к ней подбивает? Или уже подбил? Если да, то что она в нем могла найти? Он же быдлоид и жеребец. Да, канешн, поспортивнее меня будет. Накачанный, все дела. Ну и что? Что вообще девушки находят в таких вот? Ключут на красивую обертку, блин. И то, насчет красоты – еще спорно.

Останавливаюсь я, значит, в курилке, а там эти три быдлана. С Ломоглазовым-Тормозом его дружбаны, такие же ушлепки. Один – Витос по кличке Утюг (потому что у него фейс сильно смахивает на этот самый предмет), второй – Димасик Светлаков по кличке Света. Правда, в лицо его так обычно не называют: можно огрести по самое не балуйся. Они, все трое, в одну качалку ходят. Верняк, хотят выглядеть, как презики, набитые орехами под завязку.

Вижу их – и сразу какой-то дискомфорт. Пришел бы не один – еще ладно. Но тут я один, а их трое. Бить они меня, понятное дело, не будут (наверное), но... че-то жим-жим, ребята.

И вот, я останавливаюсь, как только их вижу. Сразу желание развернуться и по тапкам. Поворачиваюсь к ним спиной, а потом смекаю: если уйду, будет так выглядеть, будто я их боюсь.

Ну да, побаиваюсь, что тут такого. Неприятные типы, ей-богу.

Глупо получилось. Верняк, заметили, что я хотел слиться.

В итоге остался, повернулся к ним бочком. Тормоз в мажорной попугайской рубашке, ноги расставил, как будто боевую стойку принял. Смотрит исподлобья, волком. Утюг со Светой немного позади, на стену облокотились. Типа, группа поддержки, или как это там называется... когда телки в коротких юбках футбольную команду подбадривают всякими там телодвижениями. Чирлидеры – вот.

Смотрят, пидорги.

Я на них искоса поглядываю иногда, а сам в сторону смотрю. Достал сижку из рюкзака, начинаю чиркать зажигалкой, а она не работает ни фига. Ветерок дует, а газа внутри мало осталось. Дерьмо корейское.

Неловкий момент, кароч.

А они пялятся, лица каменные. Не ухмыляются, ниче такого. Тупо смотрят. А мне не по себе. Ощущаю себя лузером. И все потому, что гребаная зажигалка не работает. А просить у этих гондонов подкурить как-то нет желания.

Я зажигалку ладонью кое-как получше прикрыл от ветра – загорелась. И тут же, сука, погасла опять. Я в себя воздух втянул что было силы. Раскурил несколькими затяжками.

– Соню не видел седня? – спрашивает Ломоглазов.

– Не, – отвечаю, не глядя на него.

– А где она?

Че за тупые вопросы, а?!

– Не знаю, – говорю.

– А че так?

– А вот так.

– Ладно, пошли, парни, – говорит Тормоз своим двум гомикам.

Пропускает их вперед, а сам следом чешет и на меня оглядывается. И взгляд его как будто говорит: я тебя достану. И вообще, как будто он что-то знает, а я нет.

А может, правда знает?

11

Не докурив, достаю из кармана телефон. Опять набираю Сонин номер. Хотя... зачем? Если б она появилась в сети, мне бы пришло уведомление. Может, на домашний позвонить? Типа, спросить у родаков, че да как. Может, и объявилась уже – чем черт не шутит...

Не, не буду. Дураку понятно: бесполезняк.

Только докуриваю, кидаю бычок в заплеванный угол, как вдруг звонок. Опять достаю телефон, смотрю: с Сониного домашнего. Оп-па.

Думаю: ща услышу ее голос – и все встанет на свои места. Окажется, что она у какой-нибудь подружки зависала, они там с горя прибухнули и спать завалились, а родителям эта дура позвонить забыла, потом телефон разрядился или что-то в этом роде. Обычно ведь так, когда подобное происходит. Находится неожиданное, но разумное объяснение. И вся бодяга заканчивается типа благополучно.

– Алло! – говорю в трубку.

– Андрей? – голос Сониной мамы. Тон, который, знаете, не обещает ни хрена хорошего.

– Да.

– Это мама Сони.

– Я понял.

– Мы ее со вчерашнего дня не видели. Не знаешь, где она?

– Не, не в курсе. – Мне кажется, голос опять выдает во мне убийцу. Пытаюсь выдавить эмоцию, а получается безразличие какое-то.

– Вы ведь вчера виделись? В кино ходили, да? – Она, верняк, думает, будто я что-то скрываю.

– Ну да, было дело.

– И ты ее проводил до подъезда? – Блин, она что-то подозревает! Стопудово!

– Само собой.

– И она зашла в подъезд? Ты видел?

– Видел.

Молчит. Мучительно так. Типа, смесь безысходности и подозрения. И подозрение пока такое... как бы это сказать... смутное. Но это пока. Вот сейчас она положит трубку, у нее мысль в голове закружится – и все, я стану главным подозреваемым. И хорошо, если не единственным.

В голове у меня в этот момент бардак. Во рту пересохло. Я думаю: может, сразу и выложить, что я Соню придушил и скинул в открытый люк канализации?

– Ты не знаешь, где она может быть? – Голос мамы дрожит. Она вот-вот заплачет прямо в трубку. – Мы уже всех обзвонили. Заявили в полицию.

Это-то я в курсе, что вы в полицию заявили. Собственной шкурой прочувствовал.

– У нее уже такое бывало пару раз... – продолжает она все тем же дрожащим голосом. И тут ее пробирает конкретный такой словесный понос. Она им как бы пытается заглушить истерику, которая рвется наружу.

А я про себя думаю: вот так новости! Оказывается, Соня уже уходила на ночь без спросу! И ничего мне не говорила...

– ... ты знаешь, мы с мужем рано спать ложимся...

Еще бы. Конечно, знаю! Кому, как не мне, об этом знать.

– ... спим крепко...

Угу, можно сказать, лично проверял.

– ... Соня этим пару раз пользовалась. Мы просыпаемся: ее нет. Звоним, а она, оказывается, у Алины была, а нас не стала предупреждать – разбудить боялась...

Не помню, чтобы она у Алины хоть раз ночевала. Меня в эти дела не посвящали, во всяком случае.

– ... а в этот раз позвонили – не отвечает. Тут же дозвонились до Алины. Соню вчера после школы она не видела. Никто ничего не знает. Я тебе сначала звонить не хотела...

Конечно, не хотела! Ты ж меня терпеть не можешь.

– ... и ты тоже не знаешь. Господи, что же теперь делать... – Всхлипы.

Я хотел было сказать что-нибудь успокаивающее, но не успел: она отключилась, не попрощавшись.

Впрочем, это хорошо. Я бы все равно сморозил какую-нибудь тупую чушь. Маман бы меня еще больше стала подозревать в убийстве.

Слушайте, а как ее вообще зовут-то?

12

– Вот ты где!

Из-за угла нарисовался Пашка Коробов, мой лучший друг. Дружище, можно сказать. Бро. Все в нем хорошо – и денег в долг даст, когда надо, и прибухнуть не дурак, и про телок потрепать, и просто збс чел. Один у него недостаток – волосы сальные все время. Он, значит, утверждает, что типа моет их регулярно, а они сальные все равно. Что-то тут не так.

Утром я с ним не особо разговаривал. Настроения не было, понятное дело. У меня такое случается: настроения нет – и не говорю ни с кем... Ну, вы поняли, кароч.

– Опять курил? – Он не курит и всегда задает насчет этого навязчивые вопросы. И интонация мамкина.

– Нет, дрович, – отвечаю.

– Я так и думал. Что они у тебя выпытывали? В смысле, полиция.

– Спрашивали, че как, – отвечаю. Мы идем ко входу в школу. Неспешным, типа, шагом.

– И что ты сказал?

– А че я скажу? Я ж не знаю, где она.

– Верю.

Хорошо, хоть кто-то верит. А то я и сам уже не верю.

– Вы не ссорились? – спрашивает Пашка. И этот туда же.

– Ой, да иди ты в жопу! – говорю и замолкаю. Бесит, сука.

– Говори, – требует. Как будто я ему что-то должен, говнюку.

– Ну да, мы посрались. Доволен? Посрались хорошо так, с огоньком. Но я ее не убивал!

– А че ты сразу про убийство-то? – громко так, на весь задний двор.

Я огляделся опасливо. Какой-то мелкий поц шарахнулся от нас, шаг ускорил.

– Ты потише ори-то, ладно?

– Так это все-таки ты?! – не унимался Пашка. Причем уже на полном серьезе говорил. Остановился, в лице поменялся, глаза на лоб полезли.

– Что я? – Я набычился. В морду ему дать, что ли?

– Да ничего! – Руки в карманы убрал и пошел быстрым шагом мимо, типа не со мной. Сердитый какой.

– Да не знаю я, где она! – ору ему чуть ли не в ухо. – Не знаю!

И тут вижу, буквально в нескольких метрах от нас полицаи, которые меня опрашивали, садятся в машину. Они услышали. Остановились как вкопанные и смотрят.

Что тут поделаешь? Иду мимо как ни в чем не бывало, делаю хлебало утюгом. И чувствую, как они мне спину взглядами буравят.

Паскудный денек, господа. Крайне паскудный.

– Ты давно заходил на страницу Кирилла Александровича в ВК? – внезапно меняет тему Пашка.

– Тыщу лет не заходил, – отвечаю.

– Он же вроде как помер, да? – говорит Пашка.

– Ну, вроде как да, – говорю, – но там какая-то мутноватая тема.

– А ты глянь на его стену по приколу.

Чего он заладил? Тут траблы поважнее: Соня пропала. Может, даже убита. А он про какую-то страницу ВК мне затирает.

– Потом гляну, – сказал я и забыл.

Как оказалось, ненадолго.

13

С последнего урока я слился. Подумал: а ну его в пень. Там все равно какая-то не то география, не то ОБЖ. Я расписание еще толком не запомнил, да и вообще насрать, по сути.

Сажусь без сил на кровать. Понимаю, что делать ничего не смогу. Все мысли заняты Соней. Мозг горит от напряжения.

Одному оставаться никак нельзя – с ума сойду. Пашке позвонить? Не, он сказал, что бате в гараже помогает. Не вариант. Алине?

Блин, не хотелось бы... После того, что было, я ее как-то избегаю. И она меня тоже.

Не хочу рассказывать, ну да ладно.

Так вот, кароч. Чилили мы, значит, на вписке у Пашки. Может, в июне. Ну да, в июне, на его днюхе. Народу набилось хренов таз. В основном из нашей параллели, но были и помоложе. Напитков – хоть залейся. И на любой вкус. Ну, Андрюша, как водится, ужрался в дерьмище. Не настолько, чтоб прям до беспамятства, но крышу снесло конкретно. Соня тоже ужралась, проблевалась и завалилась дрыхнуть без задних ног. Впрочем, все ужрались. Как шас помню: играет какой-то инди-рок, Алина сидит напротив меня, мы друг на друга смотрим. А она мне всегда раньше нравилась. И тут вдруг стало понятно, к чему дело идет. Ничем хорошим это закончиться не должно было. И не закончилось.

У Пашки здоровенный дом. Пока все жестили и обливались пивом (а кое-то спал как убитый), мы с Алиной как бы условились взглядами: пойдем в чердачную комнату. Туда редко кого заносит, а изнутри она запирается. Алина пошла первой, я – через минуту. Ну, там все и произошло.

Спускались вниз тоже по очереди. Нашего отсутствия, казалось, никто и не заметил. Хорошо, что Соня в это время давила храпака в обе дырки. Пашка тоже куда-то делся. И это тоже хорошо. Он бы стопудово просек, в чем фишка. А мне его подколы не упирались. Правда, потом я ему все равно сознался. Пришлось. Он меня на чем-то подловил и сам догадался – безвыходная ситуация образовалась.

Мы потом еще половину лета с Алиной тайно встречались. Никто не знал. Вообще. Ну, только Пашка – и тот не с самого начала. Мы спецом либо дома, либо в каких-нибудь малопопулярных местах. И мне с ней, черт возьми, было лучше, чем с Соней.

А потом как-то так получилось, что Алина укатила в Испанию на пару недель. Мы все это время не переписывались. Когда вернулась, никаких частных встреч больше не устраивали. Как-то не по себе стало. Соня ведь ее лучшая подруга. Ни мне не хотелось скандалов, ни

Алине. И мы сделали вид, будто между нами ничего не произошло. Во мне, конечно, теплилась надежда, что мы с Соней расстанемся. Самому порвать с ней смелости не хватало, что ли. Хэ-э. Может, просто хотел, чтоб Соня сама это сделала, а я типа не при делах. Чист, как первый снег, типа того. И тогда опять можно замутить с Алиной, но уже всерьез. Если ее кто-нибудь не уведет раньше времени...

Пишу ей в ВК.

Андрей

Привет

Алина

Привет

Андрей

Надо встретиться

Алина

По поводу?

От Сони чтонибудь слышно?

Андрей

Нет. В этом проблема

Алина

Ладно. Только я через час смогу, не раньше

Андрей

Ок. Давай на площади

Алина

Договорились. Через час

Так, у меня еще час. Чем бы заняться, чтоб не думать о плохом?

И тут я вспомнил: Пашка говорил че-то про страницу Кирилла Александровича. Я даже как-то и забыл, что бывший классный у меня в друзьях.

Очень интересный мужик был. Старше нас всего-то лет на десять-двенадцать. С пониманием всегда относился. Даже когда пара одноклассников ужрались под лестницей в школе. Он все уши директрисе проездил, но дело замаял. Отмазал ребят от постановки на полицейский учет и еще от уймы проблем. Огласки дело не получило. Ну, и вообще много случаев таких бывало, когда он наши жопы прикрывал.

Выглядел всегда хорошо – светлые волосы не то чтобы длинные, но длинноватые и густые – чисто вымыты, очки элегантные, костюмчик, галстучек. Следил за собой – никакого пивного живота, ногти ровно подстрижены, туфли начищены до блеска. Лицом был похож на того парня, как его... ну, который эту песню знаменитую поет... «Итс Май Лайф» – вот. Фамилия что-то на букву «б» или «ж», щас не вспомню...

Зашел я на страницу, значит. Вижу его аву. Стройный, на свои годы ну никак не тянет даже близко. Скорее, как наш ровесник выглядит. Сидит в кресле у себя дома, типа о чем-то глубоко размышляет.

Эх... Жалко его. Очень. Как такое вообще могло произойти? Бред какой-то, млядь! Совсем не верится.

Смотрю на его фотку, ностальгирую. И тут краем глаза замечаю: был в сети один час назад.

Твою-то мать... Как это? Может быть, Кирилл Александрович жив, а нам лапшу вешают?

Прокручиваю стену вниз. Там куча сообщений, типа покойся с миром и прочей фигни. Нажимаю «Написать личное сообщение».

Андрей

Здравствуйте, Кирилл Александрович! Как жизнь молодая? Давно не виделись :)

14

Вот она. Алина. Алина Королёва.

Как всегда, выглядит потрясно, черт возьми. Зеленые, большие глаза. Распущенные волосы развеваются на ветру. Никогда не мог толком определить их цвет, потому что она красится как-то хитро. Хрен пойми. Но они тоже потрясные, как и она сама. И фигурка у нее классная. Формы не то чтобы особо присутствуют, но и не отсутствуют. Всего в меру. Она на какую-то актрису похожа, мне кажется. Только не помню, на какую. Да она и сама могла бы стать актрисой с такой-то внешностью.

Я шел ей навстречу и думал: а на кой хрен я вообще мутил с Соней? Ладно, мутил-то понятно. Но почему я с ней еще летом не разошелся – вот это большой вопрос. Дурак. С Алиной было бы в тысячу раз лучше. Соня даже выглядит как ребенок. За километр понятно: школота. И мозгов нет, хоть и отличница. Оно так обычно и бывает. Все зубрили такие. Шаг влево-вправо от вызубренного – котелок уже не варит.

Андрюша свой шанс благополучно просрал. Как всегда, все самое главное через жопу. Жиза...

И вот об этом я раздумывал, хотя пришел за другим. Соня ведь исчезла. Хотелось бы все-таки, чтобы она осталась жива. Маловероятно, конечно. Говорят, если ребенок или подросток пропал и через сутки не объявился – ждать уже нечего. Остается только трупак разыскивать, чтобы близкие хотя бы представляли себе, что на самом деле произошло. И чтоб могилу соорудить, а потом лить на нее слезы.

Мы поздоровались, а потом долго смотрели друг другу в глаза. Ну, не то чтобы долго, но показалось, что офигеть как долго. Со времени ее поездки мы избегали любых контактов. Даже старались не глядеть в сторону друг друга. Даже когда никто за нами не наблюдал. Тупизна ситуации зашкаливает, кароч...

Когда молчание стало неловким, кто-то из нас предложил пойти в бургерную. Это тут, недалеко. Летняя веранда еще не закрылась и была битком. Оттуда открывается чудесный вид на грязную остановку и ментовскую будку. Я случайно сел так, что смотрел прямо на «стакан». Меня ажно перекорежило. Утренние воспоминания одолели.

Алина спросила, что не так. Как будто что-то так.

– Ничего, – говорю, – все норм.

Заказали по бургеру, хотя ни мне, ни ей кусок в горло не лез.

– Ты Соню вчера не видела? – спрашиваю.

– Нет. Только в школе. Но ты, кажется, встретился с ней после. Вы, по-моему, в кино собирались.

– Ну да, – киваю хмуро.

– И как фильм? – Зачем она это спрашивает? Не поймешь, стебется или просто.

– Говно, – отвечаю с нулем эмоций на фейсе.

– Понятно.

Тупой, блин, разговор.

– И ночью она к тебе не приходила? – спрашиваю.

– Не приходила. Если бы ночевала у меня, я бы уже сказала ее родителям.

– Ну да, они там уже, верняк, на говно изошли.

– Ты ее домой хоть проводил?

– Ясный перец! Видел даже, как в подъезд зашла.

– Странно...

– Может, она в подъезде и прячется все это время? – предположил я.

Алина посмотрела на меня как на идиота.

– Вы поссорились, да? – спросила она.

– Да, поссорились, – отвечаю с вызовом. – А что тут такого? Это нормально.

– А я тебя ни в чем и не обвиняю. Я ж не совсем дура.

– Не знаешь случайно, куда она могла пойти?

– Откуда ж мне знать. Ты ведь ее парень.

– А ты ее лучшая подруга.

– Не такая уж и подруга в последнее время, – вздыхает, смотрит в сторону.

– А я не такой уж и парень, – говорю. – В смысле... не в том смысле, а в другом. Ты в курсе, что у нас все через жопу. Отношения так и не сложились. И ты знаешь, что она мне многого не говорила. Знаешь ведь?

Неловкая пауза. Алина шарит глазами по столу, как будто там где-то должны быть написаны слова, которые ей сейчас следует произнести.

– Может, скажешь что-нибудь? – напирю.

Алина нервно отрывает кусок булки от бургера.

– Вряд ли тебе это нужно знать. – Внезапно она становится пуленепробиваемой.

– Да что ты! – Меня это задевает. – А ты ей ничего, случайно, не хотела рассказать? Например, про наши с тобой мутки летом? Нет?

– На самом деле, хотела, – признается она. – Только тогда Соня бы меня прокляла. И я потеряла бы ее окончательно. Она и так подозревала. Это было видно.

– То есть трахаться с парнем лучшей подруги за ее спиной – это норм, а мне рассказать, с кем она мучила – это аморально, да?

– У нас с тобой просто... так получилось. Это ничего не значит. Физиология, сам должен понимать. Большой мальчик уже.

Ненавижу, когда со мной обращаются как с какой-то мелюзгой.

– Может, ты все-таки знаешь того, к кому она могла пойти? – спрашиваю. – Мне кажется, я у нее был не один.

Алина жмет плечами.

– Может, не один. А может, все же один.

– У нее с Тормозом что-то было?

Алина открыла рот, чтобы что-то соврать, но не успела придумать.

– Чего молчишь?

– Ничего! – Она кидает остаток своего бургера на тарелку. – Если бы ты с ней нормально общался... Пойду домой. – Она подорвалась встать из-за столика.

Я схватил ее за руку, и она опустилась на стул. Мы снова смотрели друг другу в глаза.

– У нее был кто-то еще, – сказала Алина. – Знаю, что был, но она мне ничего не говорила. У меня в глазах помутнело.

– И ты не спрашивала?

– Спрашивала. Она молчала как партизан. Типа, я тебе потом скажу, если все получится.

– И давно? – У меня перед глазами лицо Алины покрылось расползающимися кислотными пятнами.

– С зимы примерно.

– Больше, чем полгода... И ты молчала! Мы ведь могли быть с тобой вместе.

– Ну да, могли...

Сквозь шум моих взбудораженных нейронов прорвалась бодренькая мелодия. Что-то из «Maroon 5». Это Алинин мобильник зазвонил.

Она несколько секунд сидела, не шевелясь, будто не слышала. Потом высвободила свою ладонь из моей, полезла в сумку. Когда телефон оказался у нее в руках, она побледнела и затряслась.

Подняла глаза на меня.

– Это Соня.

15

Сказать, что я потерял дар речи, – ничего не сказать. У меня словно стул из-под задницы выдернули.

Знаете, бывает так: вот-вот ждешь чего-то очень-очень хорошего. Точно знаешь: через несколько секунд оно наступит. Ты твердо уверен. Вот и я был уверен, что кошмар сейчас закончится. Что эта тупая дыра просто на меня обиделась – решила потрепать нервы мне, а заодно и еще куче народа.

– Соня? – сказала Алина по громкой связи.

Из динамика – приглушенный шум. Как будто на заднем фоне бензопила работает или станок какой-нибудь. И больше ничего.

– Соня?!

Теперь можно различить чье-то тяжелое дыхание.

– СОНЯ, МАТЬ ТВОЮ! Скажи что-нибудь, не молчи!

Из динамика слышались всхлипы. И я узнал ее голос. Это была Соня. Она плакала. От отчаяния как будто.

– СОНЯ!!!

Гудки.

16

Мы вызвали ментов. Вернее, Алина вызвала. Началась дичайшая тягомотина. Нас увезли в отделение, по сто раз спрашивали одно и то же. Приехали эти самые, которые меня утром раскалывали. Вызвали предков. Их тоже мариновали долго. С нами обращались как с подозреваемыми. Нет смысла про это все рассказывать. Да и вспоминать неохота. Злые рожи, неприятливые, обращение грубое. Мрак, кароч. Негатив сплошной.

Домой нас с Алиной мои родители довозили. Хотели сначала ее добросить прямо до подъезда, но я попросил нас высадить на площади, типа прогуляться. Алина меня поддерживала. Мама на нас посмотрела с беспокойством, но ничего не сказала.

Мы вышли из машины и пошли через дворы в сторону Алининого дома. Молча. Было около восьми вечера, темнело.

Я иду, глядя на свои мелькающие черные рингеровские кроссовки. В ногах неприятное ощущение слабости. Алина смотрит вперед пустым взглядом.

Подходим к магазину.

– Я бы сейчас выпила, – говорит она.

– Я б тоже не против, – соглашаюсь.

– Только мне не продают.

– Мне продадут, наверное.

– Возьми мне тогда «Гараж».

– Ок. Только ты тогда тут жди.

Я соорудил серьезную и умную рожу, насколько смог, и отправился в магаз. У меня обычно получается. Я вроде не то чтобы сильно взрослым выгляжу, но как-то прокатывает, сам не знаю как. Может, голос слишком поставленный для подростка.

Заходил в магаз, все еще глядя на Алину. В дверях столкнулся со сгорбленной шаркающей бабкой. Несмотря на теплую погоду, она была в толстом зимнем пальто и шерстяном платке. Все это видало виды, тыщу лет не стиралось и пованивало помойкой. Лица из-под платка практически не было видно. Начала мне что-то говорить. Наверное, мелочи просила – я не разобрал. Тупо прошел мимо.

В очереди стоял долго. Человек пять до меня было. Все это время наблюдал в окно, как бабка докапывается до Алины. Подошла внаглую и требует чего-то. Копейки клянчит, что ж еще. На хлебушек. Жидкий.

Алина сначала отошла на пару шагов, отвернулась. Та – за ней, не отстает. В итоге Алина какую-то мелочевку из кармана выгребла, дала бабке. Но старуха не сразу ушла. Тоже что-то достала из кармана и всучила Алине. Та поначалу не хотела брать, но карга как-то ее уболтала.

До конца я не досмотрел, потому как подошла моя очередь.

Продавщица несколько раз перевела свой подозрительный взгляд с двух взятых мной в холодильнике бутылок «Гаража» на меня и обратно. Я ей в лицо спокойно смотрел. Наверное, это ее и убедило в моем совершеннолетии.

Я заплатил и собрался уже аккуратненько свалить, но тетка меня следом окликает:

– Молодой человек!

Ну все, думаю. До нее только что доперло, что мне нет восемнадцати. Сейчас вызовет ментов. Третий раз за день общаться с ними никак не хотелось.

Я не оборачиваюсь и ускоряю шаг.

– Молодой человек, сдачу заберите!

А, вон оно че.

Забрал сдачу. Продавщица на меня посмотрела как на больного.

Вышел из магазина. Алина стоит опешившая, держит что-то в руках. Пригляделся – мобила. Такая же, как у Сони была. Смартфон, одна из новых моделей. Странно, что я запомнил: Соня их меняла чуть ли не каждый месяц.

– Тебе бабка продала новый телефон за горсть мелочи? – спрашиваю.

– Смотри сюда. – Она открывает список сообщений, а там все Сонины эсэмэски мне и другим людям. Открывает список вызовов – там Сонины звонки, в том числе тот, последний, когда она сегодня Алине звонила.

– Это ж Сонин телефон! Тебе его старуха эта дала?!

– Да.

– Куда она пошла?

– Во двор.

Мы кинулись во двор, а там черт ногу сломит. Чего тут только нету: и мусорка, и клумбы из покрышек, и горки-карусели, и палисадники, и трансформаторная будка, и одноэтажная жилищная контора, и детский сад. Со всех четырех сторон пятиэтажки торцами вплотную друг к другу, из-за этого полумрак.

Мы обошли дворик быстрым шагом, проверили. Старуха как будто испарилась.

Я сорвал крышку с бутылки «Гаража», сделал большой глоток. От сладкого газированного пошла засадило горло.

17

И вот, стоим мы в сумерках – не знаем, че дальше делать. У нас на руках гребаная улика против нас же. Если сейчас позвонить в полицию – так проще сразу пойти в СИЗО, сесть в камеру и закрыть за собой дверку.

– По СИМ-карте можно отследить местонахождение телефона, – сказала Алина, отпивая из бутылки. – Странно, что до сих пор не отследили.

– Видать, не так это просто. Давай-ка ее вытащим, – говорю.

– А вдруг узнаем что-нибудь полезное?

– А ты скопируй данные в память телефона.

На это ушло около минуты.

– Все, вытаскиваю. – Она отхлебнула пару глотков, раскурочила смартфон, вытащила симку. Крышка долго не поддавалась. Лак обдирался с ногтей. Алина материлась.

– Бутылку-то на пол поставь, – посоветовал я. – А то уронишь.

– Симку выкидываем?

– Дай сюда, я ее сожгу.

Я взял крошечную карту, чиркнул зажигалкой, поднес, и симка начала плавиться. Огонь дошел до моих пальцев. Я уронил маленький кусок пластмассы на асфальт. Мы несколько секунд наблюдали, как он превращался в бесформенное черное пятно.

– От нас кто-то чего-то хочет, – сказала Алина. – Какой-нибудь больной подонок.

– Маньяк?

– Ага.

От сгоревшей симки поднимался едкий дымок.

– Давай почитаем Сонину переписку, – предложил я.

По лицу Алины было видно, как ее разрывает надвое. Соня же типа подружница – нехорошо ее сообщуги читать. Хотя... она бы без меня сама прочла – это к бабке не ходи. Заперлась бы у себя в комнате, чтоб предки не видели, чем она занимается, – и...

– Ладно, давай. – Она сунула Сонин телефон в карман и взяла меня под руку. И мы ушли из двора, где все еще пахло паленой пластмассой.

Пока искали укромное место, чтоб нас никто не беспокоил, я молчал и думал: кто мог нарядиться в старуху, выследить нас на улице и всучить Сонин телефон? И зачем? А ведь это стопудово был какой-то ряженный. Наверняка не бабка, а обычный мужик: старуха не сумела бы так быстро слинять. Анриал. Это кто-то связанный с похитителем. Или сам похититель.

И Соня где-то недалеко. Я ведь ясно слышал ее по громкой связи. И было это всего пару часов назад.

У меня зазвонил мобильник. Скрытый номер.

– Алло.

В ответ – неразборчивый шум, как из испорченного телевизора.

– Алло!

Сквозь шум – зловещий хриплый смех. (Я, когда его услышал, представил себе ту старуху.) Где-то на заднем фоне – истошный женский крик. Соня или нет – не знаю. Думаю, если бы ей было очень больно или страшно, она бы вполне могла так надрываться.

– Кто там? – спрашивает Алина.

– Не знаю, – говорю. – Может, номером ошиблись.

Тут вижу, мимо две девочки из параллельного класса идут и смотрят на нас. А Алина их типа не замечает и продолжает держать меня под руку. А у них прям челюсти отвисли и языки выпали.

Они прошли, я им вслед смотрю и говорю тихо:

– Ну все, завтра вся школа будет сплетничать.

– Да пошли они, – отвечает Алина. – Мне все равно.

18

София

Что нам теперь делать?

Nike

Не знаю. Пусть все идет, как идет.

София

А если все узнают?

Nike

Никто ничего не узнает.

София

Нет, а если все таки узнают?

Nike

Мы будем аккуратны.

София

Обещаешь?

Nike

Да.

София

Ты взрослый мужчина и я очень надеюсь на тебя.

Nike

У нас все будет хорошо. Я уверен.

София

но ты ведь понимаешь что я уеду через год с небольшим
как ты это переживешь

Nike

Давай не будем строить планов на отдаленное будущее. Все может пойти не так, как мы с тобой хотим и ожидаем.

София

На следующей неделе мои родители уедут
я смогу переночевать у тебя

Nike

Я очень жду этого.

Они начали переписываться на последних новогодних каникулах, в десятом классе. Как раз тогда между мной и Соней начала вырастать стена. Со временем она становилась все толще, пока не стала почти осязаемой, почти материальной. Этот легкий холодок, который между вами пробегает... *Она* начинает от тебя отстраняться. А ты пытаешься убедить себя, что тебе кажется. Что у тебя просто в голове насрано. Что тревога возникает на пустом месте. Изводишь себя мыслями, подозрениями, притянутыми за уши выводами. А *она* находит все новые поводы как можно реже видеться с тобой. Уроки, походы по магазинам, день рождения какой-нибудь знакомой, о которой ты раньше не слышал...

Хорошо помню то время. Я дарил ей подарки. Сладости, мягкие игрушки, украшения (не очень дорогие, само собой). Все, казалось, было хорошо, но внезапно зашло в глухой тупик. Ты поворачиваешься и хочешь из него выйти, но позади тебя уже нет никакого выхода – только свежая кирпичная кладка.

И те выходные, когда ее родители уехали, я тоже отлично помню. Она сказала тогда, что едет с ними. В те дни она ни разу не написала мне первой. Отвечала односложными фразами без смайликов и сердечек. И фоток из поездки не выложила в Инстаграм – на нее совсем непохоже, впервые такая фигня. Я спрашивал, что случилось. Она отвечала: ничего. Я думал, чем-то обидел ее...

Nike Smirnoff. Кто это?

Мы с Алиной сидели на бревне в овраге за площадью – у черного кострища, обложенного битыми кирпичами. Вокруг никого. Со дна оврага поднимался сырой болотно-осенний холодок. Он окутал нас обоих колючим коконом. Я обнял Алину, прижал к себе. Так теплее.

– Ты знаешь этого Найка Смирнова? – спросил я.

– Понятия не имею, кто он. – Она поежилась, кутаясь в свою клетчатую рубашку и крепче прижимаясь ко мне. Открыла его страницу.

Друзей – ноль. Фоток – ноль. Аудиозаписей – ноль. Последняя дата, когда был в сети, не указана. Значит, уже давно не заходил, несколько месяцев прошло. Вообще никакой инфы.

– Может, специально создал аккаунт, чтобы с ней общаться, – предположила Алина.

– И с похожим именем никого не знаешь? – спросил я.

– Точно нет.

– Давай дальше почитаем, что там.

Дальше было много слюнявой и сопливой переписки с подробностями их тайной половой жизни – в каких местах его квартиры они трахались, в каких позах, какая она классная, какой он нереально охрененный и еще много всякого подобного. Смайлики, сердечки, признания в любви.

– Почему она мне ничего не сказала? – недоумевал я. – Взяла бы и рассталась, раз уж у них там все по-серьезному.

– Ты обижаешься? – спросила Алина, пытаясь прочесть ответ в моих глазах.

– Не знаю.

Я правда не знал. Вроде и тоскливо, но не так чтобы распирало от боли. Грустно немного – вот и все. Обидно не оттого, что я, оказывается, потерял Соню так давно. Напрягает то, что она меня так долго обманывала, а я велся.

– У тебя у самого рыльце в пушку, – напомнила Алина.

– Знаю. Но у нас с тобой это недолго было, а у нее аж с Нового года. И она молчала все время.

– Думаешь, в таком легко признаться?

– А ты откуда знаешь? Тоже любишь встречаться с несколькими парнями одновременно?

– Нет, такого у меня еще не было. Но думаю, что мне тоже было бы трудно все выложить. И мы не знаем, насколько она была в нем уверена.

– Пишет, что доверяет ему. – Я листал дальше их однообразную переписку. Она ему чуть ли не каждый раз посылала фотки – как делает уроки, ест, просыпается. Он ей – ни одной.

– Это не значит, что она так думала.

12 июня

София

Любимый, где ты????? От тебя ничего не слышно уже много времени. Телефон не отвечает...

13 июня

Куда ты пропал??? Я ведь беспокоюсь! Если не хочешь общаться скажи просто что с тобой ничего не случилось и я отстану!!!!

14 июня

Я ведь приходила к тебе. Ты специально не открывал? Только не говори что не слышал!

15 июня

...

18 июня

Где бы ты ни был, помни: я люблю тебя...

20 июля

Без тебя ужасно. Я все это время надеялась. Теперь мне все равно. Оставайся там, куда ты ушел.

28 июля

Прости меня. Теперь я все поняла.

После этого куча сердечек.

– Может, это Максимка? – спрашиваю.

– Ломоглазов? – уточняет Алина.

– Ну да.

– Он не умеет так грамотно писать. К тому же тут есть переписка с ним. Хочешь, прочитаем?

На Тормозовой аве висела его фотка, сделанная в качалке. С оголенным торсом – как же без этого. И тупой самодовольной рожей, как всегда. У него по жизни фейс как у умственно отсталого.

Переписка началась весной.

Макс

Привет принцеса

София

Приветик))))))

Макс

Чем занимаешься

София

Уроки делаю

Макс

Мож встретимся

София

Мож и встретимся. Ахах) А зачем?

Макс

Хочу тебя увидеть

София

Я только через пару часов освобожусь

Макс

Ок

Потом он ей много дней подряд слал цветочки, сердечки и прочую ванильную муть. А, ну и фотки себя с голым торсом. Он тупой, и переписываться с ним толком не о чем. Поэтому из их бесед не очень было понятно, что происходит. Во всяком случае, они часто виделись. Как и я, он водил ее в кино, дарил подарки, они гуляли по городу.

4 сентября

София

Максим, нам надо с этим заканчивать.

Макс

Почему

София

Я больше не хочу.

Макс

Почему не хочешь

София

Тебе честно сказать?

Ты скучный. Мне надоело слушать про твою качалку и прочую хрень. С тобой больше просто не о чем говорить.

Он еще долго возмущался и ныл, но Соня была непреклонна. Она твердо решила с ним больше не общаться. Он, конечно, старался ее переубедить. Ну, в меру своих скудных умственных способностей, само собой. Но без толку.

– Получается, Найк ее кинул – и она начала что-то мутить с Ломоглазовым, – сказала Алина.

– Немного раньше, – поправил я. – Найк смылся в июне, а Максимка нарисовался еще в апреле. Может, из-за этой двойной... тройной игры у Сони с Найком все и разладилось?

– Сомневаюсь, что она спала с Максом. Вряд ли он был ей интересен.

– А на хрен они тогда встречались?

– Мало ли. От скуки. Сам знаешь, бывает у нее такое.

– Да уж, мне ли не знать... Странное совпадение, кстати, – осенило меня. – Соня исчезла почти сразу, как только послала этого тупого качка.

– Ага, конечно! И он решил ее похитить, а сегодня перевоплотился в старуху и подкинул нам ее телефон. Очень в духе тупого качка, который даже про знаки препинания не слышал.

– Давай другие переписки читнем.

В других беседах все было намно-о-о-о-ого скучнее. Соня флиртовала со всеми подряд, даже с ботанами, но дальше этого, похоже, не заходило.

Мы прошерстили переписку почти за год. Больше ничего подозрительного. И ничего, что могло бы задеть меня за живое.

– У нас два кандидата на роль похитителя, – сказала Алина. – Этот чертов загадочный Найк и, с почти нулевой вероятностью, Макс.

– Я бы все-таки не стал списывать со счетов этот презерватив, набитый орехами, – ответил я. – У таких, как он, крышу сносит в секунду. Мозгов нет, начинает по любому поводу кулаками размахивать. Он бы и девушку смог ударить, не обломался бы. Избил ее, потом опомнился, обоссался от страха, отнес в батин гараж, связал.

– Да уж... – Алина вздрогнула. – Но мне все равно кажется, что виноват во всем другой человек – этот Смирнофф. – Она отчетливо произнесла две последние буквы.

– Прикол будет, если это ни тот, ни другой.

– Да...

Она хотела продолжить мысль, но я не дал ей этого сделать.

Я чувствовал себя так, будто целовался впервые в жизни.

19

Часов в девять я, проводив Алину, вернулся домой. Зашел в ВК. Два новых сообщения. Одно от Алины, только что. Спрашивает, добрался ли до дома. У нее, видать, нервишки от всей этой канители потихоньку сдают. Как и у меня. Написал ей, что все норм.

А вторая сообщуга была от...

От кого бы вы думали?

От Кирилла Александровича – моего классного руководителя. Который вроде как умер в психушке недавно.

Напомню: я у него спросил в ВК, как делишки. Прямо вот сегодня. Просто по приколу. Мы раньше вообще довольно часто просто так переписывались. Ну, или не просто так. Я у него

домашку по математике спрашивал, когда забывал записать. У него почти все ученики в друзьях. Продвинутый чел. Был.

И тут я, значит, такой открываю ВК, а там новое сообщение от... Кирилла, мать его, Александровича!

Кирилл

Здравствуй, Андрей. Все хорошо. Жарюсь в аду потихоньку. Чмоки!

Че за жесть?! Ппц.

Мне сразу стало ясно: аккаунт К.А. угнал какой-то мудака. Так часто бывает. Верняк, у вас тоже случалось – какое-нибудь прошаренное чмо взламывает ваш пароль, а потом просит всех ваших знакомых перевести ему бабки на карту. И находятся ж люди, которые переводят. Дэбилы.

А тут ваше жесть. Надо ж быть такой скотиной, чтоб писать от лица мертвого человека! Помню, один малый из нашей школы помер через год после выпуска. Из-за чего – никто толком не знал. Вроде болезнь какая-то генетическая. Деньги собирали родителям всей школой. Потом я по приколу на его страничку тоже зашел, а там указано, что он появлялся в сети уже после смерти. Жутковатое ощущение от этого. Типа, человек умер, а часть его личности как будто живет своей жизнью на странице ВК. Что-то там кому-то пишет, картинки чужие лайкает.

Вот и тут то же самое. Только я-то знаю, что это не Кирилл Александрович ни фиго. Он никогда бы не написал слово «чмоки».

Ну, я и не стал молчать.

Андрей

Сучара, уйди из аккаунта К.А., он же мертвый!

Кирилл

Почему это ты решил, что я мертвый?

Тут-то мне рил не по себе стало. Умом-то я понимаю, что переписываюсь с кем-то другим, а по коже холодок такой неприятный.

Андрей

Так все говорят

Кирилл

Слушай больше. Вот он я!

Я решил подыграть.

Андрей

А куда вы пропали тогда?

Кирилл

Надо идти, черти со сковородкой заждались. Я тебе потом напишу.

И он вышел.

Я открыл его профиль. Долго смотрел на фотку. Пиджак, галстук, причесон модный – с аккуратным зачесом, но и с легким оттенком... бунтарства, что ли. Очки. Задумчивое лицо, таинственный взгляд. Едва заметная улыбка. Таким он и был в жизни.

Я вглядывался в умные, живые, горящие глаза, знакомые с пятого класса.

Он отличался от остальных учителей. Даже к учителям-мужикам можно применять слово «училка». Но это только в большинстве случаев. Кирилл Александрович к большинству никогда не относился. Наставник, которому хочется не то чтобы подражать, но всегда стараешься, чтобы он тебя уважал. И высказывался он иногда так, что мы потом в разговорах между собой годами цитировали. Или в дневнике какую-нибудь смешную фигню напишет. В шестом классе одному малому написал: «Поклонялся Ктулху». Ну, тот типиче себя и вправду неадекватно вел тогда. Кто такое Ктулху, мы так и не поняли толком. Вроде какая-то жуткая сказочная тварь. Было прикольно.

Смотрю я, значит, в эти слегка прищуренные глаза. Долго-долго. И мне начинает казаться, будто угол рта Кирилла Александровича поехал вверх. А один глаз прищурился немного сильнее. И от этого лицо сделалось каким-то не таким. Не то чтобы уродливым, но и приятным его уже не назовешь...

Померещилось. Нервишки расшалились.

Я ненадолго отвел взгляд от экрана. Перед глазами расплылись пятна фиолетового тумана.

Переключился со страницы Кирилла Александровича на Сонину.

Была в сети вчера в 22.30.

Хм... Мы с ней разошлись где-то в половину десятого. То есть еще час ее ВК был включен. Может, она даже с кем-то созванивалась или переписывалась.

Соня, где ты была все это время? Ты была жива? Или это только твой телефон продолжал жить своей жизнью? Или твой аккаунт ВК?..

Вот она, – жизнерадостная, с букетом цветов. От меня. Если бы с ней ничего плохого не случилось, она бы уже эту фотку удалила. И послала бы меня куда подальше. И я бы не возражал.

Уроки, что ли, сделать?..

Не, не буду. Ну их в пень. У меня железная отмаза: был на допросе в полиции. Предки подтвердят.

Пойду лучше посплю. Устал...

20

...Я лежу на кровати. Темно. На моей груди Алинина голова. Я вижу лишь ее волосы в свете экрана своего телефона.

Я листаю в ВК страничку Кирилла Александровича. Одна сплошная расчлененка: трупаки, кровища, части тел, внутренности. Фотки делались в одном и том же месте – подвале. Большое помещение. Подвешенные к потолку цепи, кресло с наручниками. Из стен торчат крюки. На двух из них, друг напротив друга, висят керосиновые лампы. В дальнем углу – деревянный стол. На нем – кусок хлеба, две сморщенные сосиски на тарелке, початая бутылка водки, банка с корнишонами. Маленькие огурцы похожи на отрубленные детские пальцы. В другом углу – продранный облезлый диван. Тоже забрызган кровью, но несильно.

Зачем Кирилл Александрович все это выкладывает? Он ведь казался нормальным мужиком...

А, точняк, это ведь не он...

Листаю вниз.

Обнаженная девушка в пыточном кресле. Вся в синяках и кровотокающих ссадинах. Позади, у стола, спиной к фотоаппарату кто-то стоит, склонившись. В слабом свете ламп можно разглядеть лишь очертания.

Я снова смотрю на девушку. Ее глаза вылезли из орбит. Кляп закреплен куском веревки – как будто длинный-длинный жуткий рот. Лицо изрезано ножом. Надрезы – не то буквы, не то символы. Лоб, скулы, щеки, подбородок, шея – знаки доходят до груди.

Эти прямые волосы. Растрепавшиеся и грязные, но все равно узнаваемые.

Соня! Что же он с тобой сотворил...

По моим щекам катятся слезы. Чувствую свое бессилие. Я никак не могу ей помочь.

Переключаюсь на самый верх страницы. Рассматриваю заглавную фотку Кирилла Александровича. Ехидная, злая, нездоровая улыбочка.

Я глажу Алину по волосам. Ощущаю влажное и липкое на своих пальцах.

Откуда этот противный запах? Мертвечиной, что ли, пахнет? Никогда не нюхал разложившиеся трупы, но откуда-то знаю: это тот самый запах.

Может, это фотки с вэкашной стены учителя так пахнут?..

Зову Алину. Она не отзывается. Поворачиваю ее голову и понимаю, что... ничего, кроме головы, тут и нет.

Беру ее за волосы, смотрю в лицо. В то, что от него осталось. Сплошное истерзанное месиво. Вместо глаз две пустые ямы. Щеки порваны в лоскуты. Из гниющих пор сочится черноватая жижа.

Нижняя челюсть отваливается – и мне на грудь падают ошметки тухлого мяса, копошащиеся черви.

Швыряю эту дрянь в сторону. Она шмякается о стену. На обоях остается черное пятно.

Кирилл Александрович скалится. Рот перекошен. Из уголка по подбородку течет слюна. Волосы торчат колтунами. Пиджак мятый, с засохшими бурыми пятнами. Грязные, обломанные, кровоточащие ногти вцепились в подлокотники кресла. Пальцы от напряжения посинели.

Существо на экране сдавленно рычит и дергается, словно эпилептик...

21

Я продираю глаза, подрываюсь с кровати. Лицо покрыто холодным потом.

Алина?!

Нет, нет, нет, нет! Это все неправда! Все, что ты увидел!

Кажется, мои руки перепачканы трупной слизью. Посмотрел на них: нет, вроде все в порядке. Перевел дух.

На завтрак меня ждали яичница и серия вопросов про вчерашний день. Вести светскую беседу не было настроения. Родители мне и так вечером мозг трахнули, а теперь проснулся – и все сначала. Отвечал односложно. Вижу: они опять думают, что я наркоман.

– Ты почему такой бледный? – спрашивает мама.

– Ниче, просто, – отвечаю. Швыряю вилку на тарелку с недоеденной яичницей. Кусок в горло не лезет.

Ухожу из кухни, собираю манатки, выдвигаюсь в школу раньше времени. Думаю: лучше послунаюсь по коридорам лишние двадцать минут, чем буду *это* выслушивать.

Предки-то у меня норм, в принципе. Но как начнут мозг выносить – не знаешь, куда бежать. Так хочется жить отдельно, ни от кого не зависеть... А до этого еще долго. Надо выучиться, куда-то устроиться работать... Впрочем, обо всей этой фигне лучше пока не думать. От таких мыслей только расстройство желудка.

На улице было тепло, светило солнце, пели птицы. Вот бы еще один месяц каникул. А потом, когда слякоть, холод и грязища начнутся, – можно и в школу...

Пока шел по улице, залез в инет с телефона. Решил посмотреть брянские новости – вдруг что про Соню будет. И правда, есть. Поисковый отряд собрали, прочесывают овраги, леса, всякое захолустье.

Смотрю сообщуги в ВК. От Кирилла Александровича ничего не приходило. И вообще, он удалился. Вместо авы – побитая собачья морда. И надпись, что аккаунт удален пользователем. Есть сообщение от Алины.

Алина

Про нас слухи ползут. Типа Соня только что пропала, а мы с тобой уже мутим ((((((

Видать, курицы из параллельного класса трезвон подняли. Те, которые нас видели на площади. Растрепали всем, кому могли. Причем еще вчера.

Не школа, а гадючник. Все друг про друга сплетничают, истории рассказывают. Как будто людям заняться больше нечем.

Надо покурить перед уроками. Это у меня давний ритуал.

Пока стоял в курилке, пришли опять эти три урода – Макс Тормоз со своими прихлебами.

Я их игнорю типа, а Тормоз прямо передо мной становится в боевую, вроде как, стойку и смотрит в глаза. Прямо сверлит взглядом. И короткий причесон на неандертальской башке ходуном ходит. И вены проступают.

– Что? – спрашиваю.

Он от моего дыма отмахивается агрессивными движениями, типа как будто лупит кого-то.

– Где Соня? – спрашивает.

– Я тебе уже вчера сказал: не знаю.

– А че с другой выдрой мутишь? – говорит. – Твоя девушка пропала, а ты уже на следующий день с другими, значит?

Тут он меня выбесил конкретно. Ты, млять, ваще кто такой, чтоб в чужую личную жизнь лезть?

– Не твое дело, – говорю. С вызовом. – И Алина не выдра, понял?

– Ты че?! – Придвигается вплотную.

– Не знаю, что ты имеешь в виду. – Пожимаю плечами.

– Не знаешь, да?

– Без понятия.

– А это не ты Соню грохнул? – Его глаза сощуриваются. Типа умный. Типа детектив, мастер дедукции.

– Нет, не я, – говорю.

– Мы вдвоем в поисковый отряд записались, – хвастается. Типа герой не в себе. Клюв вверх поднял, как петух – властелин курятника. И остальные двое стоят, кивают бошками, как лошади.

– Флаг тебе в ж... в руки, – отвечаю.

Он не понял смысла оговорки. Слишком тупой.

– А ты вступил в отряд?

– Нет, не вступил.

– А почему? – напирает. – Твоя ведь девушка пропала.

– Ты меня достал. – Швыряю бычок на асфальт, собираюсь уйти. Это штопаное противозачаточное средство мне преграждает дорогу. И друзья подступают крадущейся походкой.

– Тебе от меня какого ляма нужно? – спрашиваю.

Он смотрит и ничего ответить не может. Птичий мозг так и не сформулировал до сих пор простую мысль: а чего я хочу, сопсно?

Тут вдруг показался Пашка – шел в школу мимо курилки. Наверное, меня ждал увидеть. Направился к нам. Сразу понял, что меня прессовать пытаются, благо не дурак.

– Здравов, пацаны, – сказал он.

– Привет, – ответил я. Протянул ему руку. Пока debil Ломоглазов пытался вникнуть в суть происходящего, я его аккуратно обошел. Двинул в сторону центрального входа, а Пашку потащил за собой.

– Хрен ли им надо? – спросил он тихо, когда мы отошли на безопасное расстояние.

– Да они сами не знают, – ответил я.

– Вы с Алиной вчера гуляли? – До него очешуительные истории, конечно, не могли не дойти. У него друзей в ВК и на Фейсе несколько сотен. Половина школы там. Популярный сукин сын.

– Ну да, виделись.

– Про вас слухи пошли, что вы встречаетесь.

– Ну и что? – Мне и правда стало как-то все равно. Пусть кукарекают что хотят, если им нравится.

– Ты бы хоть подождал чутка, пока с Соней все поуспокоится.

– А кто сказал, что у нас с Алиной отношения? – говорю, глядя на него в упор.

– Как будто я не знаю, что у вас летом было.

– Было да сплыло, – отвечаю. – Обсуждать я это не собираюсь.

Пашка только пожал плечами и посмотрел на меня осуждающе. Как будто я совершил нечто аморальное, а то и вовсе противоправное.

В классе людей пока было мало. Но все присутствующие смотрели на меня еще более осуждающе, чем Пашка только что. Уже обо всем знали. Даже наверняка в таких деталях, каких и не было. Курицы, верняк, еще приплели кучу подробностей типа поцелуев и что мы с Алиной чуть ли не трахались прямо на улице. Школота – она такая. А мне теперь от этого говна не отмыться до самого выпуска.

Если меня не посадят, конечно. Если не отправят в колонию строгого режима за убийство. Буду там сидеть с зэками. Лет пятнадцать чалиться. Паханы из меня свою сучку сделают. Перспектива не из приятных.

Минут через десять зашла Алина. Поздоровалась с нами коротко, даже не посмотрев. Села на свое место на три стола впереди нас. Стала доставать барахло из сумки. И непонятно было толком, что у нее на уме: либо она прикидывается, либо правда на меня за что-то разозлилась.

У нас химия.

– У тебя учебник химии есть? – спрашиваю у Пашки.

– Не, не брал, – отвечает.

Встаю со своего места, осматриваюсь. Под выпуск многие решили забить болт на те предметы, которые им не нужно сдавать на ЕГЭ. Поэтому и учебники не носят. Зачем напрягаться? Мне – тем более. Я могу вообще ничего не носить. Ведь еще даже не знаю толком, что буду сдавать и куда поступать... Может, вообще не париться, пойти в армию? Там хотя бы думать ни о чем не надо.

Так вот, я вижу, что два учебника на столе только у Алины и ее соседки по парте.

Подхожу. Все вокруг замолкают, глядят на нас. Алина смотрит на меня снизу вверх, исподлобья – недобро. Я говорю:

– Можно у вас один учебник взять на урок?

Отвечает не она, а ее соседка – блондинка Луиза, которая вечно жует жвачку.

– Свой надо носить, – говорит, чавкая «диролом» или не знаю, что у нее там во рту.

Хочется ей сказать, чтоб не выпендривалась, но не могу: учебник-то нужен. Поэтому делаю жалостливую гримасу. А Алина на меня смотрит, слегка насупив брови: типа, нам с тобой лучше пока не привлекать к себе внимания, а ты тут клоунату устраиваешь, debil.

– Держи, – в конце концов сказала она и пренебрежительным жестом подвинула учебник ко мне. Как будто кинула пару рублей грязному, вонючему и пьяному бомжу.

– Благодарю, – отвечаю. – Дай вам бог здоровья. – Это чтобы соответствовать образу грязного, вонючего и пьяного бомжа.

– В следующий раз забудешь – к нам не подходи! – чавкает вслед Луиза.

– Всенепременнейше, – отвечаю.

Мы с Пашкой открываем параграф, который химик задал выучить. Там какие-то мало-знакомые слова, цепочки элементов. Тот самый очередной раз, когда я дома ничего не открывал и перед уроком вижу в учебнике что-то о-о-о-о-о-очень сложное. В такие моменты понимаю: к доске вызовут именно меня. Оно вроде как и пофиг в целом, что одноклассники обо мне будут думать, но... Класа до восьмого плохой ответ у доски считался позором. После такой экзекуции весь день ощущение, будто тебя окунули в деревенский сортир и двое суток не дают помыться. Облажаться – завсегда некайфово, но особенно у доски. Частичка этого комплекса до сих пор, даже в семнадцать лет, так в тебе и сидит. Хотя ты отлично понимаешь: тебе пофиг, одноклассникам тем более пофиг, учитель понервничает и к концу урока забудет. А все равно... как это сказать-то... выбивает из седла – вот.

Надо что-то делать. Химик у нас мужик подслеповатый. Многие пользовались. Все просто: фоткаешь учебник на телефон, становишься сбоку и немного сзади учительского стола, достаешь мобилу и читаешь с экрана. Единственный минус – голову наклонять нежелательно: слишком палевно. Поэтому глаза сильно скашиваешь, а они потом болят. Но это ладно, пять минут потерпеть можно.

Правда, с годами химик фишку просек. Стал иногда сажать на места с двойками. Потому как-то это дело сбавило обороты. Ну, я подумал: может, в этот раз все-таки прокатит?

Прозвенел звонок. Первым зашел не химик, а физручка. Стала проверять, кто присутствует, а кто нет.

– Шапарев, тебя почему вчера на физкультуре не было? – спрашивает, подходя к учительскому столу.

Я молчу.

– Шапарев! Я с тобой разговариваю. – Глядит как на врага народа. Такие наезды, как будто физра – важный предмет.

– Не хотелось вас видеть лишний раз, – отвечаю.

Физручку и так никто не воспринимает ни как полноценного учителя, ни как классного руководителя тем более. После Кирилла Александровича днище днищем. Но ТАКОЙ наглости еще ни один себе не позволял. Ко мне повернулась куча удивленных рож. Стадный инстинкт, знаете ли. У нас, школьников, он завсегда срабатывает.

– Это что за разговор такой?! – возмущается физручка.

Я только жму плечами.

– Встань, когда с тобой учитель разговаривает!

– Мне врач запрещает вставать лишний раз, – отвечаю.

– Я сейчас твоим родителям позвоню. Они мне все расскажут – и за врача, и за физкультуру пропущенную.

– Звоните, – говорю. Само равнодушие.

– Еще одна такая выходка – и я буду добиваться твоего исключения из школы.

Хрен бы там, мымра. Никто не имеет права исключить ученика из школы, тем более если он учится без троек.

Но я молчу. Она ведь только и ждет, что с ней будут огрызаться. Так что пусть ее изнутри терзает мысль, что я не пошел на поводу и остался непобежденным.

– Кого сегодня нет? – Она делает вид, будто успокоилась. Открывает блокнот, готовясь записать. Хорошо видно, как дрожат от злости и бессилия пальцы, в которых она держит ручку.

Ей называли фамилии болеющих и прогульщиков. И фамилию Сони тоже. Причем не первой и не последней, а где-то ближе к середине. Как будто она тоже заболела. Или проспала. Пока перечисляли, пришел химик – Федор Петрович. Ирина Викторовна свалила, бросив на меня полный ненависти взгляд. Ее лицо напоминало перекошенную гримасу злодея из голливудского триллера. Вот щас подойдет и всадит ножичек под ребро. И провернет несколько раз – чтобы и печень, и желудок, и легкие, и почки...

У нас с ней целый год впереди. Видать, хорошо сработаемся.

Федор Петрович – нестарый, но уже сильно облысевший и обрюзгший дядька. Пузо у него не то чтобы вываливается из-под пиджака, но заметное. Фигурой Петрович напоминает беременную женщину. Пока не очень сильно, но еще пара лет обжорства – и его разнесет конкретно. А там уж – привет, отдышка, здравствуйте, сердечно-сосудистые заболевания и прочие прелести жизни. Жалко, что не следит за собой. Хороший мужик.

Оглядывает класс, щурясь. Очки бы себе уже купил давно. Видно, некогда. Или не хочет, потому что они ему не идут.

Тоже проверил отсутствующих, отметил в журнале. Все чин чинком. Потом сел за свой стол, разложил барахло, стал копаться в бумажках – карточках с химическими реакциями, конспектах.

У нас класс непрофильный, химия один раз в неделю. Петрович нас даже по именам не помнит, не говоря уже о фамилиях. Всегда по журналу пальцем наслонявленным водит – выбирает наугад, кого бы к доске вызвать. Чаще всего никто не готов, кроме отличниц (отличников у нас нет).

В воздухе повисла угроза. Подавляющая часть класса – неготовая – замерла в ожидании.

– На прошлом уроке мы изучали... – начал Петрович и задумался. – Что мы изучали на прошлом уроке?

– Алкины повторяли, – подсказала одна из отличниц.

– Точно, алкины. Что было задано?

– Ничего, – вякнул один из вечно неготовых, типа меня.

– Ну конечно, так я вам и поверил!

Не прокатило. Мало когда прокатывает.

– О строении алкинов будет отвечать у доски... – Химик снова углубился в журнал.

Опять эта тяготящая, нервная пауза. Как будто через минуту должна начаться ядерная война и все об этом знают. Слышу, как мясистый кончик пальца шуршит вниз по странице со списком. Все ниже, ниже...

– Шапарев. Андрей.

Млять... Вот так и знал ведь...

Жопа не хочет отрываться от стула. А еще она вспотела от волнения.

– Гм... – откашливаюсь. – А может... может, кого-нибудь другого вызовете? У меня уже две оценки есть.

– И что? – Круглые глаза вопросительно уставились на меня. Нет, все-таки очки ему бы пошли. Грозно смотрелся бы, поднимая голову от журнала и глядя поверх них. – Ты готов, Шапарев?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.